МАКСИМЪ ГОРЬКІЙ

О РУССКОМЪ КРЕСТЬЯНСТВѢ

1 9 2 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО И. П. ЛАДЫЖНИКОВА
БЕРЛИНЪ

Типографія Шпамера въ Лейпцигѣ

Люди, которыхъ я привыкъ уважать, спрашиваютъ: что я думаю о Россіи?

Мнѣ очень тяжело все, что я думаю о моей странѣ, точнѣе говоря, о русскомъ народѣ, о крестьянствѣ, большинствѣ его. Для меня было бы легче не отвѣчать на вопросъ, но — я слишкомъ много пережилъ и знаю для того, чтобъ имѣть право на молчаніе. Однако, прошу понять, что я никого не осуждаю, не оправдываю, — я просто разсказываю, въ какія формы сложилась масса моихъ впечатлѣній. Мнѣніе не есть осужденіе, и если мои мнѣнія окажутся ошибочными, — это меня не огорчитъ.

Въ сущности своей всякій народъ — стихія анархическая; народъ хочетъ какъ можно больше ѣсть и возможно меньше работать, хочетъ имѣть всѣ права и не имѣть никакихъ обязанностей. Атмосфера безпра-

вія, въ которой издревле привыкъ жить народъ, убѣждаетъ его въ законности безправія, въ зоологической естественности анархизма. Это особенно плотно приложимо къ массѣ русскаго крестьянства, испытавшаго болѣе грубый и длительный гнетъ рабства, чѣмъ другіе народы Европы. Русскій крестьянинъ сотни лѣтъ мечтаетъ о какомъ-то государствѣ безъ права вліянія на волю личности, на свободу ея дѣйствій, — о государствѣ безъ власти надъ человѣкомъ. Въ несбыточной надеждѣ достичь равенства всѣхъ при неограниченной свободѣ каждаго, народъ русскій пытался организовать такое государство въ формѣ казачества, Запорожской Сѣчи. Еще до сего дня въ темной душѣ русскаго сектанта не умерло представленіе о какомъ-то сказочномъ «Опоньскомъ царствѣ», оно существуетъ гдѣ-то «на краю земли» и въ немъ люди живутъ безмятежно, не зная «антихристовой суеты», города, мучительно истязуемаго судорогами творчества культуры. Въ русскомъ крестьянинѣ какъ бы еще не изжитъ инстинктъ кочевника, онъ смотритъ на трудъ пахаря — какъ на проклятіе Божіе, и болѣетъ «охотой къ перемѣнѣ мѣстъ». У него почти отсутствуетъ — во всякомъ случаѣ, очень слабо развито — боевое желаніе укрѣпиться на избранной точкѣ и вліять на

окружающую среду въ своихъ интересахъ, если же онъ рѣшается на это — его ждетъ тяжелая и безплодная борьба. Тѣхъ, кто пытается внести въ жизнь деревни нѣчто отъ себя, новое, — деревня встрѣчаетъ недовѣріемъ, враждой и быстро выжимаетъ или выбрасываетъ изъ своей среды. Но чаще случается такъ, что новаторы, столкнувшись съ неодолимымъ консерватизмомъ деревни, сами уходятъ изъ нея. Идти есть куда, — всюду развернулась пустынная плоскость и соблазнительно манитъ въ даль.

Талантливый русскій историкъ Костомаровъ говоритъ: «Оппозиція противъ государства существовала въ народѣ, но, по причинѣ слишкомъ большого географическаго пространства, она выражалась бѣгствомъ, удаленіемъ отъ тягостей, которыя налагало государство на народъ, а не дѣятельнымъ противодѣйствіемъ, не борьбой». Со времени, къ которому относится сказанное, населеніе русской равнины увеличилось, «географическое пространство» сузилось, но — психологія осталась и выражается въ курьезномъ совѣтѣ-пословицѣ: «Отъ дѣла — не бѣгай, а дѣла — не дѣлай».

Человѣкъ Запада еще въ раннемъ дѣтствѣ, только-что вставъ на заднія лапы, видитъ

всюду вокругъ себя монументальные результаты труда его предковъ. Отъ каналовъ Голландіи до туннелей Итальянской Ривьеры и виноградниковъ Везувія, отъ великой работы Англіи и до мощныхъ Силезскихъ фабрикъ — вся земля Европы тѣсно покрыта грандіозными воплощеніями организованной воли людей, — воли, которая поставила себѣ гордую цѣль: подчинить стихійныя силы природы разумнымъ интересамъ человѣка. Земля — въ рукахъ человѣка и человѣкъ дѣйствительно владыка ея. Это впечатлѣніе всасывается ребенкомъ Запада и воспитываетъ въ немъ сознаніе цѣнности человѣка, уваженіе къ его труду и чувство своей личной значительности, какъ наслѣдника чудесъ труда и творчества предковъ.

Такія мысли, такія чувства и оцѣнки не могутъ возникнуть въ душѣ русскаго крестьянина. Безграничная плоскость, на которой тѣсно сгрудились деревянныя, крытыя соломой деревни, имѣетъ ядовитое свойство опустошать человѣка, высасывать его желанія. Выйдетъ крестьянинъ за предѣлы деревни, посмотритъ въ пустоту вокругъ него и черезъ нѣкоторое время чувствуетъ, что эта пустота влилась въ душу ему. Нигдѣ вокругъ не видно прочныхъ слѣдовъ труда и творчества. Усадьбы помѣщиковъ? Но ихъ мало и въ нихъ живутъ враги. Го-

рода? Но они — далеко и не многимъ культурно-значительнѣе деревни. Вокругъ — безкрайняя равнина, а въ центрѣ ея — ничтожный, маленькій человѣчекъ, брошенный на эту скучную землю для каторжнаго труда. И человѣкъ насыщается чувствомъ безразличія, убивающимъ способность думать, помнить пережитое, вырабатывать изъ опыта своего идеи. Историкъ русской культуры, характеризуя крестьянство, сказалъ о немъ:

«Множество суевѣрій и никакихъ идей».

Это печальное сужденіе подтверждается всѣмъ русскимъ фольклоромъ.

Спора нѣтъ — прекрасно лѣтомъ «живое злато пышныхъ нивъ», но осенью предъ пахаремъ снова ободранная голая земля и снова она требуетъ каторжнаго труда. Потомъ наступаетъ суровая, шестимѣсячная зима, земля одѣта ослѣпительно бѣлымъ саваномъ, сердито и грозно воютъ вьюги и человѣкъ задыхается отъ бездѣлья и тоски въ тѣсной, грязной избѣ. Изъ всего, что онъ дѣлаетъ, на землѣ остается только солома и крытая соломой изба — ее три раза въ жизни каждаго поколѣнія истребляютъ пожары.

Технически примитивный трудъ деревни неимовѣрно тяжелъ, крестьянство называ-

етъ его «страда» отъ глагола «страдать». Тяжесть труда, въ связи съ ничтожествомъ его результатовъ, углубляетъ въ крестьянинѣ инстинктъ собственности, дѣлая его почти неподдающимся вліянію ученій, которыя объясняютъ всѣ грѣхи людей силою именно этого инстинкта.

Трудъ горожанина разнообразенъ, проченъ и долговѣченъ. Изъ безформенныхъ глыбъ мертвой руды онъ создаетъ машины и аппараты изумительной сложности, одухотворенные его разумомъ, живые. Онъ уже подчинилъ своимъ высокимъ цѣлямъ силы природы и онѣ служатъ ему, какъ джины восточныхъ сказокъ царю Соломону. Онъ создалъ вокругъ себя атмосферу разума — «вторую природу», онъ всюду видитъ свою энергію воплощенной въ разнообразіи механизмовъ, вещей, въ тысячахъ книгъ, картинъ, и всюду запечатлѣны величавыя муки его духа, его мечты и надежды, любовь и ненависть, его сомнѣнія и вѣрованія, его трепетная душа, въ которой неугасимо горитъ жажда новыхъ формъ, идей, дѣяній и мучительное стремленіе вскрыть тайны природы, найти смыслъ бытія.

Будучи порабощенъ властью государства, онъ остается внутренно свободенъ, — именно силою этой свободы духа онъ разрушаетъ изжитыя формы жизни и создаетъ новыя.

Человѣкъ дѣянія, онъ создалъ для себя жизнь мучительно напряженную, порочную, но -- прекрасную своей полнотой. Онъ возбудитель всѣхъ соціальныхъ болѣзней, извращеній плоти и духа, творецъ лжи и соціальнаго лицемѣрія, но — это онъ создалъ микроскопъ самокритики, который позволяетъ ему со страшной ясностью видѣть всѣ свои пороки и преступленія, всѣ вольныя и невольныя ошибки свои, малѣйшія движенія своего всегда и навѣки неудовлетвореннаго духа.

Великій грѣшникъ передъ ближнимъ и, можетъ быть, еще бо̀льшій предъ самимъ собою, онъ — великомученикъ своихъ стремленій, которыя, искажая, разрушая его, родятъ все новыя и новыя муки и радости бытія. Духъ его, какъ проклятый Агасферъ, идетъ въ безграничіе будущаго, куда-то къ сердцу космоса или въ холодную пустоту вселенной, которую онъ — можетъ быть — заполнитъ эманаціей своей психо-физической энергіи, создавъ — со временемъ — нѣчто недоступное представленіямъ разума сего дня.

Инстинкту важны только утилитарные результаты развитія культуры духа, только то, что увеличиваетъ внѣшнее, матеріальное благополучіе жизни, хотя бы это была явная и унизительная ложь.

Для интеллекта процессъ творчества важенъ самъ по себѣ; интеллектъ глупъ, какъ солнце, онъ работаетъ безкорыстно.

Былъ въ Россіи нѣкто Иванъ Болотниковъ, человѣкъ оригинальной судьбы: ребенкомъ онъ попалъ въ плѣнъ къ татарамъ во время одного изъ ихъ набѣговъ на окраинные города Московскаго царства, юношей былъ проданъ въ рабство туркамъ, — работалъ на турецкихъ галерахъ, его выкупили изъ рабства венеціанцы и, проживъ нѣкоторое время въ аристократической Республикѣ Дожей, онъ возвратился въ Россію.

Это было въ 1606 году; московскіе бояре только-что затравили талантливаго царя Бориса Годунова и убили умнаго смѣльчака, загадочнаго юношу, который, принявъ имя Дмитрія, сына Ивана Грознаго, занялъ Московскій престолъ и, пытаясь перебороть азіатскіе нравы московитянъ, говорилъ въ лицо имъ:

«Вы считаете себя самымъ праведнымъ народомъ въ мірѣ, а вы — развратны, злобны, мало любите ближняго и не расположены дѣлать добро».

Его убили, былъ выбранъ въ цари хитрый, двоедушный Шуйскій, князь Василій, явился второй самозванецъ, тоже выдававшій себя

за сына Грознаго, и вотъ въ Россіи началась кровавая трагедія политическаго распада, извѣстная въ исторіи подъ именемъ «Смуты». Иванъ Болотниковъ присталъ ко второму самозванцу, получилъ отъ него право команды небольщимъ отрядомъ сторонниковъ самозванца и пошелъ съ ними на Москву, проповѣдуя холопамъ и крестьянамъ:

«Бейте бояръ, берите ихъ женъ и все достояніе ихъ. Бейте торговыхъ и богатыхъ людей, дѣлите между собой ихъ имущество».

Эта соблазнительная программа примитивнаго коммунизма привлекла къ Болотникову десятки тысячъ холоповъ, крестьянъ и бродягъ, они неоднократно били войска царя Василія, вооруженныя и организованныя лучше ихъ; они осадили Москву и съ великимъ трудомъ были отброшены отъ нея войскомъ бояръ и торговыхъ людей. Въ концѣ концовъ, этотъ первый мощный бунтъ крестьянъ былъ залитъ потоками крови, Болотникова взяли въ плѣнъ, выкололи ему глаза и утопили его.

Имя Болотникова не сохранилось въ памяти крестьянства, его жизнь и дѣятельность не оставила по себѣ ни пѣсенъ, ни легендъ. И вообще въ устномъ творчествѣ русскаго крестьянства нѣтъ ни слова о десятилѣтней эпохѣ — 1602—1613 г.г. — кровавой

смуты, о которой историкъ говоритъ, какъ о «школѣ своевольства, безначалія, политическаго неразумія, двоедушія, обмана, легкомыслія и мелкаго эгоизма, неспособнаго оцѣнить общихъ нуждъ». Но все это не оставило никакихъ слѣдовъ ни въ бытѣ, ни въ памяти русскаго крестьянства.

Въ легендахъ Италіи сохранилась память о фра-Дольчино, чехи помнятъ Яна Жижку, такъ же, какъ крестьяне Германіи Томаса Мюнцера, Флоріана Гейера, а французы — героевъ и мучениковъ «Жакеріи» и англичане имя Уоттъ Тейлора, — обо всѣхъ этихъ людяхъ въ народѣ остались пѣсни, легенды, разсказы. Русское крестьянство не знаетъ своихъ героевъ, вождей, фанатиковъ любви, справедливости, мести.

Черезъ 50 лѣтъ послѣ Болотникова Донской казакъ Степанъ Разинъ поднялъ крестьянство почти всего Поволжья и двинулся съ нимъ на Москву, возбужденный той же идеей политическаго и экономическаго равенства. Почти три года его шайки грабили и рѣзали бояръ и купцовъ, онъ выдерживалъ правильныя сраженія съ войсками царя Алексѣя Романова, его бунтъ грозилъ поднять всю деревенскую Русь. Его разбили, потомъ четвертовали. Въ народной памяти о немъ осталось двѣ-три пѣсни, но чисто народное происхожденіе ихъ сомнительно, смыслъ же

былъ непонятенъ крестьянству уже въ началѣ XIX вѣка.

Не менѣе мощнымъ и широкимъ по размаху былъ бунтъ, поднятый при Екатеринѣ Великой уральскимъ казакомъ Пугачевымъ, — «эта послѣдняя попытка борьбы казачества съ режимомъ государства», какъ опредѣлилъ этотъ бунтъ историкъ С. Ф. Платоновъ. О Пугачевѣ тоже не осталось яркихъ воспоминаній въ крестьянствѣ, какъ и о всѣхъ другихъ, менѣе значительныхъ, политическихъ достиженіяхъ русскаго народа.

О нихъ можно сказать буквально то же, что сказано историкомъ о грозной эпохѣ «Смуты»:

«Всѣ эти возстанія ничего не измѣнили, ничего не внесли новаго въ механизмъ государства, въ строй понятій, въ нравы и стремленія» . . .

Къ этому сужденію умѣстно прибавить выводъ одного иностранца, внимательно наблюдавшаго русскій народъ. «У этого народа нѣтъ исторической памяти. Онъ не знаетъ свое прошлое и даже, какъ будто, не хочетъ знать его». Великій князь Сергѣй Романовъ разсказалъ мнѣ, что въ 1913 году, когда праздновалось трехсотлѣтіе династіи Романовыхъ и царь Николай былъ въ Костромѣ, — Николай Михайловичъ —

тоже великій князь, талантливый авторъ цѣлаго ряда солидныхъ историческихъ трудовъ, — сказалъ царю, указывая на многотысячную толпу крестьянъ:

«А вѣдь они совершенно такіе же, какими были въ XVII вѣкѣ, выбирая на царство Михаила, такіе же; это — плохо, какъ ты думаешь?»

Царь промолчалъ. Говорятъ, онъ всегда молчалъ въ отвѣтъ на серьезные вопросы. Это — своего рода мудрость, если не является хитростью или — не вызвано страхомъ.

Жестокость — вотъ, что всю жизнь изумляло и мучило меня. Въ чемъ, гдѣ корни человѣческой жестокости? Я много думалъ надъ этимъ и — ничего не понялъ, не понимаю.

Давно, когда-то я прочиталъ книгу подъ зловѣщимъ заглавіемъ: «Прогрессъ, какъ эволюція жестокости».

Авторъ, искусно подобравъ факты, доказывалъ, что съ развитіемъ прогресса люди все болѣе сладострастно мучаютъ другъ друга и физически, и духовно. Я читалъ эту книгу съ гнѣвомъ, не вѣрилъ ей и скоро забылъ ея парадоксы.

Но теперь, послѣ ужасающаго безумія европейской войны и кровавыхъ событій ре-

волюціи, — теперь эти ѣдкіе парадоксы все чаще вспоминаются мнѣ. Но — я долженъ замѣтить, что въ русской жестокости эволюціи, кажется, нѣтъ, формы ея, какъ будто, не измѣняются.

Лѣтописецъ начала XVII вѣка разсказываетъ, что въ его время такъ мучили: «насыпали въ ротъ пороху и зажигали его, а инымъ набивали порохъ снизу, женщинамъ прорѣзывали груди и, продѣвъ въ раны веревки, вѣшали на этихъ веревкахъ».

Въ 18 и 19 годахъ то же самое дѣлали на Дону и на Уралѣ: вставивъ человѣку — снизу — динамитный патронъ, взрывали его.

Я думаю, что русскому народу исключительно — такъ же исключительно, какъ англичанину чувство юмора — свойственно чувство особенной жестокости, хладнокровной и какъ бы испытывающей предѣлы человѣческаго терпѣнія къ боли, какъ бы изучающей цѣпкость, стойкость жизни.

Въ русской жестокости чувствуется дьявольская изощренность, въ ней есть нѣчто тонкое, изысканное. Это свойство едва ли можно объяснить словами психозъ, садизмъ, словами, которыя, въ сущности, и вообще ничего не объясняютъ. Наслѣдіе алкоголизма? Не думаю, чтобъ русскій народъ былъ отравленъ ядомъ алкоголя болѣе другихъ народовъ Европы, хотя допустимо, что при

плохомъ питаніи русскаго крестьянства ядъ алкоголя дѣйствуетъ на психику сильнѣе въ Россіи, чѣмъ въ другихъ странахъ, гдѣ питаніе народа обильнѣе и разнообразнѣе.

Можно допустить, что на развитіе затѣйливой жестокости вліяло чтеніе житій святыхъ великомучениковъ, — любимое чтеніе грамотеевъ въ глухихъ деревняхъ.

Если бъ факты жестокости являлись выраженіемъ извращенной психологіи единицъ, — о нихъ можно было не говорить, въ этомъ случаѣ они матеріалъ психіатра, а не бытописателя. Но я имѣю въ виду только коллективныя забавы муками человѣка.

Въ Сибири крестьяне, выкопавъ ямы, опускали туда — внизъ головой — плѣнныхъ красноармейцевъ, оставляя ноги ихъ — до колѣнъ — на поверхности земли; потомъ они постепенно засыпали яму землею, слѣдя по судорогамъ ногъ, кто изъ мучимыхъ окажется выносливѣе, живучѣе, кто задохнется позднѣе другихъ.

Забайкальскіе казаки учили рубкѣ молодежь свою на плѣнныхъ.

Въ Тамбовской губерніи коммунистовъ пригвождали желѣзнодорожными костылями въ лѣвую руку и въ лѣвую ногу къ деревьямъ на высотѣ метра надъ землею и наблюдали, какъ эти — нарочито неправильно распятые люди — мучаются.

Вскрывъ плѣнному животъ, вынимали тонкую кишку и, прибивъ ее гвоздемъ къ дереву или столбу телеграфа, гоняли человѣка ударами вокругъ дерева, глядя, какъ изъ раны выматывается кишка. Раздѣвъ плѣннаго офицера донага, сдирали съ плечъ его куски кожи, въ формѣ погонъ, а на мѣсто звѣздочекъ вбивали гвозди; сдирали кожу по линіямъ портупей и лампасовъ — эта операція называлась «одѣть по формѣ». Она, несомнѣнно, требовала немало времени и большого искусства.

Творилось еще много подобныхъ гадостей, отвращеніе не позволяетъ увеличивать количества описаній этихъ кровавыхъ забавъ.

Кто болѣе жестокъ: бѣлые или красные? Вѣроятно — одинаково, вѣдь, и тѣ и другіе — русскіе. Впрочемъ, на вопросъ о степеняхъ жестокости весьма опредѣленно отвѣчаетъ исторія: наиболѣе жестокъ — наиболѣе активный...

Думаю, что нигдѣ не бьютъ женщинъ такъ безжалостно и страшно, какъ въ русской деревнѣ, и, вѣроятно, ни въ одной странѣ нѣтъ такихъ вотъ пословицъ-совѣтовъ:

«Бей жену обухомъ, припади да понюхай — дышитъ? — морочитъ, еще хочетъ».

«Жена дважды мила бываетъ: когда въ домъ ведутъ, да когда въ могилу несутъ». «На бабу да на скотину суда нѣтъ». «Чѣмъ больше бабу бьешь, тѣмъ щи вкуснѣе».

Сотни такихъ афоризмовъ, — въ нихъ заключена вѣками нажитая мудрость народа, — обращаются въ деревнѣ, эти совѣты слышатъ, на нихъ воспитываются дѣти.

Дѣтей бьютъ тоже очень усердно. Желая ознакомиться съ характеромъ преступности населенія губерній Московскаго округа, я просмотрѣлъ «Отчеты Московской Судебной Палаты» за десять лѣтъ — 1901—1910 г. — и былъ подавленъ количествомъ истязаній дѣтей, а также и другихъ формъ преступленій противъ малолѣтнихъ. Вообще въ Россіи очень любятъ бить, все равно — кого. «Народная мудрость» считаетъ битаго человѣка весьма цѣннымъ: «За битаго двухъ небитыхъ даютъ, да и то не берутъ».

Есть даже поговорки, которыя считаютъ драку необходимымъ условіемъ полноты жизни.

«Эхъ, жить весело, да — бить некого».

Я спрашивалъ активныхъ участниковъ гражданской войны: не чувствуютъ ли они нѣкоторой неловкости, убивая другъ друга?

Нѣтъ, не чувствуютъ.

«У него — ружье, у меня — ружье, значитъ — мы равные; ничего, побьемъ другъ друга — земля освободится».

Однажды я получилъ на этотъ вопросъ отвѣтъ крайне оригинальный, мнѣ далъ его солдатъ европейской войны, нынѣ онъ командуетъ значительнымъ отрядомъ красной арміи.

— Внутренняя война — это ничего! А вотъ междуусобная, противъ чужихъ — трудное дѣло для души. Я вамъ, товарищъ, прямо скажу: русскаго бить легче. Народу у насъ много, хозяйство у насъ плохое; ну, сожгутъ деревню, — чего она стоитъ! Она и сама сгорѣла бы въ свой срокъ. И, вообще, это наше внутреннее дѣло, вродѣ маневровъ, для науки, такъ сказать. А вотъ, когда я вначалѣ той войны попалъ въ Пруссію — Боже, до чего жалко было мнѣ тамошній народъ, деревни ихніе, города и вообще хозяйство! Какое величественное хозяйство раззоряли мы по неизвѣстной причинѣ. Тошнота!.. Когда меня ранили, такъ я почти радъ былъ, — до того тяжело смотрѣть на безобразіе жизни. Потомъ — попалъ я на Кавказъ къ Юденичу, тамъ турки и другія черномазыя личности. Бѣднѣйшій народъ, добряки, улыбаются, знаете, — неизвѣстно почему. Его бьютъ, а онъ улыбается. Тоже — жалко, вѣдь, и у нихъ, у

каждаго есть свое занятіе, своя привязка къ жизни....

Это говорилъ человѣкъ, по-своему гуманный, онъ хорошо относится къ своимъ солдатамъ, они, видимо, уважаютъ и даже любятъ его, и онъ любитъ свое военное дѣло.

Я попробовалъ разсказать ему кое-что о Россіи, о ея значеніи въ мірѣ, — онъ слушалъ меня задумчиво, покуривая папиросу, потомъ глаза у него стали скучные, вздохнувъ, онъ сказалъ:

— Да, конечно, держава была спеціальная, даже вовсе необыкновенная, ну, а теперь, по-моему, окончательно впала въ негодяйство!

Мнѣ кажется, что война создала немало людей, подобныхъ ему, и что начальники безчисленныхъ — и безсмысленныхъ — бандъ, люди этой психологіи.

Говоря о жестокости, трудно забыть о характерѣ еврейскихъ погромовъ въ Россіи. Тотъ фактъ, что погромы евреевъ разрѣшались имѣвшими власть злыми идіотами — никого и ничего не оправдываетъ. Разрѣшая бить и грабить евреевъ, идіоты не внушали сотнямъ погромщиковъ: отрѣзайте еврейкамъ груди, бейте ихъ дѣтей, вбивайте

гвозди въ черепа евреевъ, — всѣ эти кровавыя мерзости надо разсматривать, какъ «проявленіе личной иниціативы массъ».

Но — гдѣ же — наконецъ — тотъ добродушный, вдумчивый русскій крестьянинъ, неутомимый искатель правды и справедливости, о которомъ такъ убѣдительно и красиво разсказывала міру русская литература XIX вѣка?

Въ юности моей я усиленно искалъ такого человѣка по деревнямъ Россіи и — не нашелъ его. Я встрѣтилъ тамъ суроваго реалиста и хитреца, который — когда это выгодно ему — прекрасно умѣетъ показать себя простакомъ. По природѣ своей онъ не глупъ и самъ хорошо знаетъ это. Онъ создалъ множество печальныхъ пѣсенъ, грубыхъ и жестокихъ сказокъ, создалъ тысячи пословицъ, въ которыхъ воплощенъ опытъ его тяжелой жизни.

Онъ знаетъ, что «мужикъ не глупъ, да — міръ дуракъ» и что «міръ силенъ, какъ вода, да глупъ, какъ свинья».

Онъ говоритъ: «не бойся чертей, бойся людей». «Бей своихъ, — чужіе бояться будутъ».

О правдѣ онъ не очень высокаго мнѣнія: «Правдой сытъ не будешь». «Что въ томъ, что ложь, коли сыто живешь». «Правдивый, какъ дуракъ, также вреденъ».

Чувствуя себя человѣкомъ, способнымъ на

всякій трудъ, онъ говоритъ: «Бей русскаго, — часы сдѣлаетъ». А бить надо потому, что «каждый день ѣсть не лѣнь, а работать не охота».

Такихъ и подобныхъ афоризмовъ у него тысячи, онъ ловко умѣетъ пользоваться ими, съ дѣтства онъ слышитъ ихъ и съ дѣтства убѣждается, какъ много заключено въ нихъ рѣзкой правды и печали, какъ много насмѣшки надъ собою и озлобленія противъ людей. Люди — особенно люди города — очень мѣшаютъ ему жить, онъ считаетъ ихъ лишними на землѣ, буквально удобренной потомъ и кровью его, на землѣ, которую онъ мистически любитъ, непоколебимо вѣритъ и чувствуетъ, что съ этой землей онъ крѣпко спаянъ плотью своей, что она его кровная собственность, разбойнически отнятая у него. Онъ задолго раньше лорда Байрона зналъ, что «потъ крестьянина стоитъ усадьбы помѣщика». Литература народолюбцевъ служила цѣлямъ политической агитаціи и поэтому идеализировала мужика. Но уже въ концѣ XIX-го столѣтія отношеніе литературы къ деревнѣ и крестьянину начало рѣшительно измѣняться, стало менѣе жалостливымъ и болѣе правдивымъ. Начало новому взгляду на крестьянство положилъ Антонъ Чеховъ разсказами «Въ оврагѣ» и «Мужики».

Въ первыхъ годахъ XX-го столѣтія являются разсказы лучшаго изъ современныхъ русскихъ художниковъ слова, Ивана Бунина.

Его «Ночной разговоръ» и другая превосходная по красотѣ языка и суровой правдивости повѣсть «Деревня», утвердили новое, критическое отношеніе къ русскому крестьянству.

О Бунинѣ въ Россіи говорятъ, что онъ, какъ дворянинъ, относится къ мужику пристрастно и даже враждебно. Разумѣется, это невѣрно — Бунинъ прекрасный художникъ и только. Но въ русской литературѣ текущаго вѣка есть болѣе рѣзкія и печальныя свидѣтельства о жуткой деревенской темнотѣ — это «Юность», повѣсть, написанная талантливымъ крестьяниномъ Орловской губерніи Иваномъ Вольнымъ, это разсказы московскаго крестьянина Семена Подъячева, а также разсказы сибирскаго крестьянина Всеволода Иванова, молодого писателя исключительной яркости и силы.

Этихъ людей едва ли можно заподозрить въ предвзятомъ и враждебномъ отношеніи къ средѣ, родной имъ по плоти и крови, — къ средѣ, связь съ которой ими еще не порвана. Имъ болѣе, чѣмъ кому-либо иному, извѣстна и понятна жизнь крестьянства,

горе и грубыя радости деревни, слѣпота ея разума и жестокость чувства.

Въ заключеніе этого невеселаго очерка я приведу разсказъ одного изъ участниковъ научной экспедиціи, работавшей на Уралѣ въ 1921 году. Крестьянинъ обратился къ членамъ экспедиціи съ такимъ вопросомъ:

— Вы люди ученые, скажите, какъ мнѣ быть, зарѣзалъ у меня башкиръ корову, я башкира, конечно, убилъ, а послѣ того самъ свелъ корову у его семьи, такъ вотъ: будетъ мнѣ за корову наказаніе?

Когда его спросили: а за убійство человѣка развѣ онъ не ждетъ наказанія — мужикъ спокойно отвѣтилъ:

— Это — ничего, человѣкъ теперь дешевъ.

Характерно здѣсь слово «конечно», оно свидѣтельствуетъ, что убійство стало дѣломъ простымъ, обычнымъ. Это — отраженіе гражданской войны и бандитизма.

А вотъ это образецъ того, какъ — иногда — воспринимаются новыя для деревенскаго разума идеи.

Сельскій учитель, сынъ крестьянина, пишетъ мнѣ: «Такъ какъ знаменитый ученый Дарвинъ установилъ научно необходимость безпощадной борьбы за существованіе и ничего не имѣетъ противъ уничтоженія слабыхъ и безполезныхъ людей, а въ древнее время стариковъ отвозили въ овраги на

смерть отъ голода или посадивъ на дерево стряхивали оттуда, чтобы они расшиблись, — то: протестуя противъ такой жестокости, я предлагаю уничтожать безполезныхъ людей мѣрами болѣе сострадательнаго характера. Напримѣръ — окармливать ихъ чѣмъ-нибудь вкуснымъ и такъ далѣе. Эти мѣры смягчали бы повсемѣстную борьбу за существованіе, то-есть пріемы ея. Такъ же слѣдуетъ поступить со слабоумными идіотами, съ сумасшедшими и преступниками отъ природы, а можетъ быть, и съ неизлѣчимо больными, горбатыми, слѣпыми и проч. Такое законодательство, конечно, не понравится нашей ноющей интеллигенціи, но пора уже перестать считаться съ ея консервативной и контръ-революціонной идеологіей. Содержаніе безполезныхъ людей обходится народу слишкомъ дорого и эту статью расхода нужно сократить до нуля».

Много сейчась въ Россіи пишется такихъ и подобныхъ проектовъ, писемъ, докладовъ, — очень они удручаютъ, но и они, не взирая на ихъ уродство, заставляютъ чувствовать, что мысль деревни пробуждена, и хотя работаетъ неумѣло, однако, работаетъ въ направленіи, совершенно новомъ для нея: деревня пытается мыслить о государствѣ въ его цѣломъ.

Существуетъ мнѣніе, что русскій крестьянинъ какъ-то особенно глубоко религіозенъ. Я никогда не чувствовалъ этого, хотя, кажется, достаточно внимательно наблюдалъ духовную жизнь народа. Я думаю, что человѣкъ безграмотный и не привыкшій мыслить, не можетъ быть истиннымъ теистомъ или атеистомъ и что путь къ твердой, глубокой вѣрѣ лежитъ черезъ пустыню невѣрія.

Бесѣдуя съ вѣрующими крестьянами, присматриваясь къ жизни различныхъ сектъ, я видѣлъ прежде всего органическое, слѣпое недовѣріе къ поискамъ мысли, къ ея работѣ, наблюдалъ умонастроеніе, которое слѣдуетъ назвать скептицизмомъ невѣжества.

Въ стремленіи сектантовъ обособиться, отойти въ сторону отъ государственной церковной организаціи мною всегда чувствовалось отрицательное отношеніе не только къ обрядамъ и — всего меньше — къ догматамъ, а вообще къ строю государственной и городской жизни. Въ этомъ отрицаніи я не могъ уловить какой-либо оригинальной идеи, признаковъ творческой мысли, исканія новыхъ путей духа. Это просто пассивное и безплодное отрицаніе явленій и событій, связь и значеніе которыхъ мысль, развитая слабо, не можетъ понять.

Мнѣ кажется, что революція вполнѣ опредѣленно доказала ошибочность убѣжденія

въ глубокой религіозности крестьянства въ Россіи. Я не считаю значительными факты устройства въ сельскихъ церквахъ театровъ и клубовъ, хотя это дѣлалось — иногда — не потому, что не было помѣщенія, болѣе удобнаго для театра, а — съ явной цѣлью демонстрировать свободомысліе. Наблюдалось и болѣе грубо кощунственное отношеніе ко храму, — его можно объяснить враждой къ «попамъ», желаніемъ оскорбить священника, а порою дерзкимъ и наивнымъ любопытствомъ юности: что со мною будетъ, если я оскорблю вотъ это, всѣми чтимое?

Несравненно значительнѣе такіе факты: разрушеніе глубоко чтимыхъ народомъ монастырей, — древней Кіево-Печерской Лавры и сыгравшаго огромную историческую и религіозную роль Троице-Сергіевскаго монастыря, — не вызвало въ крестьянствѣ ни протестовъ, ни волненій, — чего увѣренно ждали нѣкоторые политики. Какъ будто эти центры религіозной жизни вдругъ утратили свою магическую силу, привлекавшую вѣрующихъ со всѣхъ концовъ обширной русской земли. А вѣдь сотни тысячъ пудовъ хлѣба, спрятаннаго отъ голодной Москвы и Петербурга, деревня защищала съ оружіемъ въ рукахъ, не щадя своей жизни.

Когда провинціальные совѣты вскрывали

«нетлѣнныя», высоко чтимыя народомъ мощи, — народъ отнесся и къ этимъ актамъ совершенно равнодушно, съ молчаливымъ, тупымъ любопытствомъ. Вскрытія мощей производились крайне безтактно и часто въ очень грубыхъ формахъ — съ активнымъ участіемъ инородцевъ, иновѣрцевъ, съ грубымъ издѣвательствомъ надъ чувствами вѣрующихъ въ святость и чудотворную силу мощей. Но — и это не возбудило протестовъ со стороны людей, которые еще вчера преклонялись передъ гробницами «чудотворцевъ». Я опросилъ не одинъ десятокъ очевидцевъ и участниковъ разоблаченія церковнаго обмана: что чувствовали они, когда передъ глазами, вмѣсто нетлѣннаго и благоухающаго тѣла, являлась грубо сдѣланная кукла или открывались полуистлѣвшія кости?. Одни говорили, что совершилось чудо: святыя тѣла, зная о поруганіи, затѣянномъ невѣрами, покинули гробницы свои и скрылись. Другіе утверждали, что обманъ былъ устроенъ монахами лишь тогда, когда имъ стало извѣстно о намѣреніи властей уничтожить мощи: «они вынули настоящія нетлѣнныя мощи и замѣнили ихъ чучелами».

Такъ говорятъ почти одни только представители старой, безграмотной деревни. Болѣе молодые и грамотные крестьяне признаютъ, конечно, что обманъ былъ, и говорятъ:

— Это хорошо сдѣлано, — однимъ обманомъ меньше. — Но затѣмъ у нихъ являются такія мысли, — я воспроизвожу ихъ буквально, какъ онѣ записаны мною.

— Теперь, когда монастырскіе фокусы открыты — докторовъ надо пощупать и разныхъ ученыхъ — ихъ дѣла открыть народу.

Нужно было долго убѣждать моего собесѣдника, чтобы онъ объяснилъ смыслъ своихъ словъ. Нѣсколько смущаясь, онъ сказалъ:

— Конечно, вы не вѣрите въ это... А говорятъ, что теперь можно отравить вѣтеръ ядомъ и — конецъ всему живущему и человѣку, и скоту. Теперь — всѣ озлобились, жалости ни въ комъ нѣтъ...

Другой крестьянинъ, членъ уѣзднаго совѣта, называющій себя коммунистомъ, еще болѣе углубилъ эту тревожную мысль.

— Намъ никакихъ чудесъ не надо. Мы желаемъ жить при ясномъ свѣтѣ, безъ опасеній, безъ страха. А чудесъ затѣяно — много. Рѣшили провести электрическій свѣтъ по деревнямъ, говорятъ: пожаровъ меньше будетъ. Это — хорошо, дай Богъ! Только, какъ бы ошибокъ не дѣлали, повернутъ какой-нибудь винтикъ не въ ту сторону и — вся деревня вспыхнула огнемъ. Видите, чего опасно? Къ этому скажу: городской народъ — хитеръ, а деревня дура, об-

мануть ее легко. А тутъ — затѣяно большое дѣло. Солдаты сказывали, что на войнѣ электрическимъ свѣтомъ цѣлые полки убивали.

Я постарался разсѣять страхъ Калибана — и услышалъ отъ него разумныя слова:

— Одинъ все знаетъ, а другой — ничего; въ этомъ и начало всякаго горя. Какъ я могу вѣрить, ежели ничего не знаю?

Жалобы деревни на свою темноту раздаются все чаще, звучатъ все болѣе тревожно. Сибирякъ, энергичный парень, организаторъ партизанскаго отряда въ тылу Колчака, угрюмо говоритъ:

— Не готовъ нашъ народъ для событій. Шатается туда и сюда, слѣпъ разумомъ. Разбили мы отрядъ колчаковцевъ, три пулемета отняли, пушечку, обозишко небольшой, людей перебили съ полсотни у нихъ, сами потеряли семьдесятъ одного, сидимъ, отдыхаемъ, вдругъ ребята мои спрашиваютъ меня: а что, не у Колчака ли правда-то? Не противъ ли себя идемъ?[1]) Да и самъ я иной день какъ баранъ живу — ничего не понимаю. Распря вездѣ! Мнѣ докторъ одинъ въ Томскѣ — хорошій человѣкъ, — говорилъ про васъ, что вы еще съ девятьсотъ

[1]) Въ Сибири, въ Кустанаѣ, отрядъ крестьянъ-партизанъ переходилъ отъ большевиковъ къ Колчаку и обратно двадцать одинъ разъ.

пятаго года японцамъ служите за большія деньги. А одинъ плѣнный, колчаковскій солдатъ изъ матросовъ, раненый, доказывалъ намъ, что Ленинъ нѣмцамъ на руку играетъ. Документы у него были и доказано въ нихъ, что имѣлъ Ленинъ переписку о деньгахъ съ нѣмецкими генералами. Я велѣлъ солдата разстрѣлять, чтобы онъ народъ не смущалъ, — а все-таки, долго на душѣ неспокойно было. Ничего толкомъ не знаешь — кому вѣрить? Всѣ противъ всѣхъ. И себѣ вѣрить боязно.

Не мало бесѣдъ велъ я съ крестьянами на разныя темы и въ общемъ онѣ вызвали у меня тяжелое впечатлѣніе: люди много видятъ, но — до отчаянія мало понимаютъ. Въ частности, бесѣды о мощахъ показали мнѣ, что вскрытый обманъ церкви усилилъ подозрительное и недовѣрчивое отношеніе деревни къ городу. Не къ духовенству, не къ власти, а именно къ городу, какъ сложной организаціи хитрыхъ людей, которые живутъ трудомъ и хлѣбомъ деревни, дѣлаютъ множество безполезныхъ крестьянину вещей, всячески стремятся обмануть его и ловко обманываютъ.

Работая въ комиссіи по ликвидаціи безграмотности, я бесѣдовалъ однажды съ группой подгородныхъ Петербургскихъ крестьянъ на тему объ успѣхахъ науки и техники.

— Такъ, — сказалъ одинъ слушатель, бородатый красавецъ, — по воздуху галками научились летать, подъ водой щуками плаваемъ, а на землѣ жить не умѣемъ. Сначала-то на землѣ надо бы твердо устроиться, а на воздухѣ — послѣ. И денегъ бы не тратить на эти забавки!

Другой сердито добавилъ:

— Пользы намъ отъ фокусовъ этихъ нѣтъ, а — расходъ большой и людьми, и деньгами. Мнѣ подковы надо, топоръ, у меня гвоздей нѣтъ, а вы тутъ на улицахъ памятники ставите — баловство это!

— Ребятишекъ одѣть не во что, а у васъ вездѣ флаги болтаются...

И въ заключеніе, послѣ длительной, жестокой критики городскихъ «забавокъ», бородатый мужикъ сказалъ, вздыхая:

— Если бы революцію мы сами дѣлали, — давно бы на землѣ тихо стало и порядокъ былъ бы...

Иногда отношеніе къ горожанамъ выражается въ такой простой, но радикальной формѣ:

— Срѣзать надо съ земли всѣхъ образованныхъ, тогда намъ, дуракамъ, легко жить будетъ, а то — замаяли вы насъ!

Въ 1919 году милѣйшій деревенскій житель покойно разулъ, раздѣлъ и вообще

обобралъ горожанина, вымѣнивая у него на хлѣбъ и картофель все, что нужно и не нужно деревнѣ.

Не хочется говорить о грубо насмѣшливомъ, мстительномъ издѣвательствѣ, которымъ деревня встрѣчала голодныхъ людей города.

Всегда выигрывая на обмѣнѣ, крестьяне — въ большинствѣ — старались и умѣли придать обмѣну унизительный характеръ милостыни, которую они — нехотя — даютъ барину, «прожившемуся на революціи». Замѣчено было, что къ рабочему относились не то, чтобы къ человѣчинѣ, но осторожнѣе. Вѣроятно, осторожность эта объясняется анекдотическимъ совѣтомъ одного крестьянина другому:

— Ты съ нимъ — осторожнѣе, онъ, говорятъ, гдѣ-то Совдепъ держалъ.

Интеллигентъ почти неизбѣжно подвергался моральному истязанію. Напримѣръ: установивъ послѣ долгаго спора точныя условія обмѣна, мужикъ или баба равнодушно говорили человѣку, у котораго дома дѣти въ цынгѣ:

— Нѣтъ, иди съ Богомъ. Раздумали мы, не дадимъ картофеля...

Когда человѣкъ говорилъ, что слишкомъ долго приходится ждать, онъ получалъ въ отвѣтъ злопамятныя слова:

— Мы — бывало, вашихъ милостей еще больше ждали.

Да, чѣмъ другимъ, а великодушіемъ русскій крестьянинъ не отличается. Про него можно сказать, что онъ не злопамятенъ: онъ не помнитъ зла, творимаго имъ самимъ, да, кстати, не помнитъ и добра, содѣяннаго въ его пользу другимъ.

Одинъ инженеръ, возмущенный отношеніемъ крестьянъ къ группѣ городскихъ жителей, которые приплелись въ деревню подъ осеннимъ дождемъ и долго не могли найти мѣста, гдѣ бы обсушиться и отдохнуть, — инженеръ, работавшій въ этой деревнѣ на торфу, сказалъ крестьянамъ рѣчь о заслугахъ интеллигенціи въ исторіи политическаго освобожденія народа. Онъ получилъ изъ устъ русоволосаго, голубоглазаго славянина сухой отвѣтъ:

— Читали мы, что дѣйствительно ваши довольно пострадали за политику, только вѣдь это вами же и писано. И вѣдь вы по своей волѣ на революцію шли, а не по найму отъ насъ — значитъ, мы за горе ваше не отвѣчаемъ — за все Богъ съ вами разсчитается...

Я не привелъ бы этихъ словъ, если бы не считалъ ихъ типичными — въ различныхъ сочетаніяхъ я лично слышалъ ихъ десятки разъ.

Но необходимо отмѣтить, что униженіе хитроумнаго горожанина передъ деревней имѣло для нея очень серьезное и поучительное значеніе: деревня хорошо поняла зависимость города отъ нея, до этого момента она чувствовала только свою зависимость отъ города.

Въ Россіи — небывалый, ужасающій голодъ, онъ убиваетъ десятки тысячъ людей, убьетъ милліоны. Эта драма возбуждаетъ состраданіе даже у людей, относящихся враждебно къ Россіи, странѣ, гдѣ, по словамъ одной американки, «всегда холера или революція». Какъ относится къ этой драмѣ русскій, сравнительно пока еще сытый, крестьянинъ?

— «Не плачутъ въ Рязани о Псковскомъ неурожаѣ», — отвѣчаетъ онъ на этотъ вопросъ старинной пословицей.

— «Люди мрутъ — намъ дороги трутъ», — сказалъ мнѣ старикъ новгородецъ, а его сынъ, красавецъ, курсантъ военной школы, развилъ мысль отца такъ:

— Несчастье — большое и народу вымретъ — много. Но — кто вымретъ? Слабые, трепанные жизнью; тѣмъ, кто живъ останется, въ пять разъ легче будетъ.

Вотъ голосъ подлиннаго русскаго крестья-

нина, которому принадлежитъ будущее. Человѣкъ этого типа разсуждаетъ спокойно и весьма цинично, онъ чувствуетъ свою силу, свое значеніе.

— Съ мужикомъ — не совладаешь, — говоритъ онъ. — Мужикъ теперь понялъ: въ чьей рукѣ хлѣбъ, въ той и власть, и сила.

Это говоритъ крестьянинъ, который «встрѣтилъ политику національизаціи сокращеніемъ посѣвовъ какъ разъ настолько, чтобъ оставить городское населеніе безъ хлѣба и не дать власти ни зерна на вывозъ за границу» [1]).

— Мужикъ, какъ лѣсъ: его и жгутъ, и рубятъ, а онъ самосѣвомъ растетъ, да растетъ, — говорилъ мнѣ крестьянинъ, пріѣхавшій въ сентябрѣ изъ Воронежа въ Москву за книгами по вопросамъ сельскаго хозяйства. — У насъ не замѣтно, чтобъ война убавила народу. А теперь вотъ, говорятъ, милліоны вымрутъ, — конечно, замѣтно станетъ. Ты считай хоть по двѣ десятины на покойника — сколько освободится земли? То-то. Тогда мы такую работу покажемъ — весь свѣтъ ахнетъ. Мужикъ работать умѣетъ, только дай ему — на чемъ. Онъ забастовокъ не устраиваетъ, — этого земля не позволяетъ ему!

---

[1]) Изъ рѣчи Л. Каменева на IX Съѣздѣ Совѣтовъ въ декабрѣ 1921 г.

Въ общемъ, сытное и полусытное крестьянство относится къ трагедіи голода спокойно, какъ издревле привыкло относиться къ стихійнымъ бѣдствіямъ. А въ будущее крестьянинъ смотритъ все болѣе увѣренно, и въ тонѣ, которымъ онъ начинаетъ говорить, чувствуется человѣкъ, сознающій себя единственнымъ и дѣйствительнымъ хозяиномъ русской земли.

Очень любопытную систему областного хозяйства развивалъ передо мной одинъ рязанецъ:

— Намъ, другъ, большихъ фабрикъ не надо, отъ нихъ только бунты и всякій развратъ. Мы бы такъ устроились: сукновальню, человѣкъ на сто рабочихъ, кожевню — тоже не большую, и такъ все бы маленькія фабрики, да подальше одна отъ другой, чтобы рабочіе-то не скоплялись въ одномъ мѣстѣ, и такъ бы, потихоньку, всю губернію обстроить небольшими заводиками, а другая губернія — тоже такъ. У каждой — все свое, никто ни въ чемъ не нуждается. И рабочему сытно жить и всѣмъ — спокойно. Рабочій — онъ жадный, ему все подай, что онъ видитъ, а мужикъ — малымъ доволенъ...

— Многіе ли думаютъ такъ? — спросилъ я.

— Думаютъ нѣкоторые, кто поумнѣе.

— Рабочихъ-то не любите?

— Зачѣмъ? Я только говорю, что безпокойный это народъ, когда въ большомъ скопленіи онъ. Разбивать ихъ надо на малыя артели, тамъ сотня, тутъ сотня...

А отношеніе крестьянъ къ коммунистамъ — выражено, по моему мнѣнію, всего искреннѣе и точнѣе въ совѣтѣ, данномъ односельчанами моему знакомому крестьянину, талантливому поэту:

— Ты, Иванъ, смотри, въ коммуну не поступай, а то мы у тебя и отца и брата зарѣжемъ, да — кромѣ того — и сосѣдей обоихъ тоже.

— Сосѣдей-то за что?

— Духъ вашъ искоренять надо.

Какіе же выводы дѣлаю я?

Прежде всего: не слѣдуетъ принимать ненависть къ подлости и глупости за недостатокъ дружескаго вниманія къ человѣку, хотя подлость и глупость не существуютъ внѣ человѣка. Я очертилъ — такъ, какъ я ее понимаю, среду, въ которой разыгралась и разыгрывается трагедія русской революціи. Это — среда полудикихъ людей.

Жестокость формъ революціи я объясняю

исключительной жестокостью русскаго народа.

Когда въ «звѣрствѣ» обвиняютъ вождей революціи — группу наиболѣе активной интеллигенціи — я разсматриваю эти обвиненія, какъ ложь и клевету, неизбѣжныя въ борьбѣ политическихъ партій, или — у людей честныхъ — какъ добросовѣстное заблужденіе.

Напомню, что всегда и всюду особенно злыя безстыдныя формы принимаетъ ложь обиженныхъ и побѣжденныхъ. Изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что я считаю священной и неоспоримой правду побѣдителей. Нѣтъ, я просто хочу сказать то, что хорошо знаю и что — въ мягкой формѣ — можно выразить словами печальной, но — истинной правды: какими бы идеями ни руководились люди, — въ своей практической дѣятельности они все еще остаются звѣрями. И часто — бѣшеными, причемъ иногда бѣшенство объяснимо страхомъ. Обвиненія въ эгоистическомъ своекорыстіи, честолюбіи и безчестности я считаю вообще непримѣнимыми ни къ одной изъ группъ русской интеллигенціи — неосновательность этихъ обвиненій прекрасно знаютъ всѣ тѣ, кто ими оперируетъ.

Не отрицаю, что политики наиболѣе грѣшные люди изъ всѣхъ окаянныхъ грѣш-

никовъ земли, но — это потому, что характеръ дѣятельности неуклонно обязываетъ ихъ руководствоваться іезуитскимъ принципомъ «цѣль оправдываетъ средство».

Но люди искренно любящіе и фанатики идеи нерѣдко сознательно искажаютъ душу свою ради блага другихъ. Это особенно приложимо къ большинству русской активной интеллигенціи — она всегда подчиняла вопросъ качества жизни интересамъ и потребностямъ количества первобытныхъ людей.

Тѣхъ, кто взялъ на себя каторжную, Геркулесову работу очистки Авгіевыхъ конюшенъ русской жизни, я не могу считать «мучителями народа», — съ моей точки зрѣнія они — скорѣе жертвы.

Я говорю это, исходя изъ крѣпко сложившагося убѣжденія, что вся русская интеллигенція, почти цѣлый вѣкъ мужественно пытавшаяся поднять на ноги тяжелый русскій народъ, лѣниво, нерадиво и безталанно лежавшій на своей землѣ, — вся интеллигенція является жертвой исторіи прозябанія народа, который ухитрился жить изумительно нищенски на землѣ, сказочно богатой. Русскій крестьянинъ, здравый смыслъ котораго нынѣ пробужденъ революціей, могъ бы сказать о своей интеллигенціи: глупа, какъ солнце, работаетъ такъ же безкорыстно.

Онъ, конечно, не скажетъ этого, ибо ему еще не ясно рѣшающее значеніе интеллектуальнаго труда.

Почти весь запасъ интеллектуальной энергіи, накопленной Россіей въ XIX в., израсходованъ революціей, растворился въ крестьянской массѣ.

Интеллигентъ, производитель духовнаго хлѣба, рабочій, творецъ механизма городской культуры, постепенно и съ быстротой, все возрастающей, поглощается крестьянствомъ, и оно жадно впитываетъ все полезное ему, что создано за эти четыре года бѣшеной работы.

Теперь можно съ увѣренностью сказать, что, цѣною гибели интеллигенціи и рабочаго класса, русское крестьянство ожило.

Да, это стоило мужику дорого, и онъ еще не все заплатилъ, трагедія не кончена. Но революція, совершонная ничтожной — количественно — группой интеллигенціи, во главѣ нѣсколькихъ тысячъ воспитанныхъ ею рабочихъ, эта революція стальнымъ плугомъ взбороздила всю массу народа такъ глубоко, что крестьянство уже едва ли можетъ возвратиться къ старымъ, въ прахъ и навсегда, разбитымъ формамъ жизни; какъ евреи, выведенные Моисеемъ изъ рабства Египетскаго, вымрутъ полудикіе, глупые, тяжелые люди русскихъ селъ и деревень — всѣ тѣ, по-

чти страшные люди, о которыхъ говорилось выше, и мѣсто ихъ займетъ новое племя — грамотныхъ, разумныхъ, бодрыхъ людей.

На мой взглядъ это будетъ не очень «милый и симпатичный русскій народъ», но это будетъ — наконецъ — дѣловой народъ, недовѣрчивый и равнодушный ко всему, что не имѣетъ прямого отношенія къ его потребностямъ.

Онъ не скоро задумается надъ теоріей Эйнштейна и научится понимать значеніе Шекспира или Леоннардо да-Винчи, но, вѣроятно, онъ дастъ денегъ на опыты Штейнаха и, несомнѣнно, очень скоро усвоитъ значеніе электрофикаціи, цѣнность ученаго агронома, полезность трактора, необходимость имѣть въ каждомъ селѣ хорошаго доктора и пользу шоссе.

У него разовьется хорошая историческая память и, памятуя свое недавнее мучительное прошлое, онъ — на первой порѣ строительства новой жизни — станетъ относиться довольно недовѣрчиво, если не прямо враждебно, къ интеллигенту и рабочему, возбудителямъ различныхъ безпорядковъ и мятежей.

И городъ, неугасимый костеръ требовательной, все изслѣдующей мысли, источникъ раздражающихъ, не всегда понятныхъ явленій и событій, не скоро заслужитъ спра-

ведливую оцѣнку со стороны этого человѣка, не скоро будетъ понятъ имъ, какъ мастерская, гдѣ непрерывно вырабатываются новыя идеи, машины, вещи, назначеніе которыхъ — облегчить и украсить жизнь народа.

Вотъ схема моихъ впечатлѣній и мыслей о русскомъ народѣ.